

Наталья ЛЯШКО

ЛОТЕРЕЯ

Рассказ

Этой осенью похолодало неожиданно резко. Тёплые октябрьские деньки, позолоченные солнцем и пропитанные запахом уставших листьев, выключились мгновенно. Утренний румяный холодок проскочил через открытую щель гаражных ворот, пробрался под одеяло к Ивану Семёновичу.

Пенсионер проснулся, широко открыл глаза и глубоко вздохнул; любимец Сёма взгромоздился на груди и громко урчал.

– Озяб что-то я, Сёма, дай-ка пойду, ворота прикрою. Слазь с меня!

Иван Семёнович жил в гаражном кооперативе «Рассвет», но только жизнь его напоминала больше закат, причём ранний и заснеженный. Худощавый, невысокого роста, он со спины напоминал подростка, только одежда, седая голова и палочка выдавали в нём старика.

Он поднялся с лежанки, всунул ноги в резиновые калоши и пошаркал через помещение к воротам. Гараж был разделён на две части: в передней дремала старая зелёная «Жигули-копейка», здесь же находилась миниатюрная зона для приготовления еды – двухконфорочная электрическая плита и навесной шкафчик для посуды и продуктов. Тут же стоял старенький дутый холодильник «ДонБасс-2», в котором чаще всего лежала замороженная килька для кота. В задней части гаража за гипсокартонной перегородкой отдыхал хозяин: узкая лежанка, полочки для книг, тумбочка с небольшим ламповым телевизором – всё небольшое богатство Ивана Семёновича.

Прежде чем захлопнуть ворота, он выглянул за них: озорной ветер гонял опавшую листву, приподнимая над землей. Одиноким одноногий фонарь грустно освещал пустынную межгаражную улицу.

– Эх, ни души! – вздохнул пенсионер, захлопнул ворота и вернулся в жилую зону. Потрогал дрожащей рукой фотографию девушки в рамочке, ещё раз глубоко вздохнул и, крихтя, залез под тяжёлое красное ватное одеяло. Сёма в одно мгновение снова оказался на вершине внимания и заурчал. Че-

рез несколько минут послышался свистящий храп хозяина.

Резкий скрип разбудил его – это ветер раскрыл ворота. Старик открыл глаза и уставился на потолок: только сейчас он заметил, сколько паутины скопилось по углам. Голая лампочка еле слышно шипела и периодически мерцала. Осенняя изморозь снова пробралась под одеяло.

– Как мне холодно, – сказал он вслух, – Боже, как мне холодно...

Остаток ночи он не спал, вертелся из стороны в сторону, мысли не давали найти удобное положение. В гараже не было окон, поэтому рассвет пришёл незаметно. Иван Семёнович поднялся с постели, подул на озябшие морщинистые ладони и очень удивился клубам пара, вырвавшимся изо рта.

Он накинул на плечи выгоревшую замасленную фуфайку, надел носки и всунул ноги в растоптанные ботинки и, не зашнуровывая их, побрел к электроплите. Сёма навязчиво путался под ногами.

– Потерпи, сейчас я тебе рыбки отварю, да и себе что-нибудь соображу. Вот, съешь пока мокрого корма. Последний! Надо Алёшку попросить, чтоб купил тебе.

Хозяин раскрыл пакетик и высыпал содержимое на чистую тарелочку.

– погоди, сейчас водичку тебе поменяю. Ешь, ешь, душетелогретель мой.

Пенсионер ласково смотрел на кота и улыбался.

– Ах, Лёшик, Лёшик, растёт как сорняк, ни матери, ни тем более отцу не нужен, тот, верно, и забыл за семнадцать лет, что у него сын есть. Хоть в колледж ходит, не прогуливает. Быстрее бы в армию его от греха подальше забрали. А, Сёма? А Васька слушает да ест, правильно? Во, кажись, машина соседская подъехала, пойду посмотрю.

Действительно, в соседний гараж приехала весёлая молодая компания из четырёх человек. Это сосед Вовка привёз своих друзей отдохнуть. Очень удобно: мангал, небольшой столик, кресла, и не надо природу засорять, и от дома недалеко.

– Здравствуйте, ребята, – выглянул Иван Семёнович.

– Здорово, дядь Вань, как ты? – отозвался сосед Вовчик.

– Да живой ещё, а вы отдохнуть приехали?

– Да, у Ксюши день рождения, познакомьтесь: это Ксюша, Фёдор и Кристина, а это дядь Ваня.

Ребята кивнули в знак приветствия.

– Как там Лёшка, приезжает к тебе?

– Да три дня уже не было, и на телефон не отвечает, наверное, посеял опять, сорванец. Ладно, не буду вам мешать.

Иван Семёнович скрылся.

– Это кто? – спросила Ксюша.

– Кто-кто, человек!

– Он что, здесь живёт? А Лёшка кто?

– Внук. Да, живёт. Дочка квартиру продала и кинула его, – ответил невозмутимо Владимир, – благо, что гараж есть да машина на ходу, а то бомжевал бы. А он не простой дед – учёный, в Академии южных морей работал.

Их разговор прервал препротивный скрип гаражных ворот, из которых вышел Иван Семёнович с неестественно выпрямленной спиной. Он был в бежевой ветровке и в грубых, ранее синих, а теперь неопределённого цвета джинсах с жирными пятнами.

– О, дядь Вань, куда ты такой нарядный?

– Да прокачусь за продуктами, Лёшку разве дождёшься?

– А что, дочка штаны не может постирать? – съязвил сосед.

– Да они чистые, я стирал и мылся неделю назад, – соврал дед.

Старик открыл ворота, накатом выкатил автомобиль, браво уселся за руль и, изрядно надымив, скрылся из вида.

– Во, гонщик! – засмеялись все.

Шумная компания продолжила веселье: из колонок громко ухала современная музыка и приятно пахло поджаренным мясом. Через час «гонщик» вернулся.

– Я угощу его? – спросила Володю Ксюша.

– Конечно, он не против накатить соточку.

Девушка взяла одноразовую тарелку, положила мясо, хлеб, огурец, поставила в неё же пластмассовый стаканчик со спиртным и подошла к воротам.

– Дядь Вань, можно к вам?

– Заходите, заходите.

Ксюша прошла через холодное помещение с ещё теплой машиной и вошла в жилую зону.

– Хорошо у вас, уютно. А книг сколько! Вот угощайтесь, пожалуйста.

– Спасибо, присаживайтесь вот здесь.

– Дядь Вань, а кто это на фото? – спросила немного охмелевшая Ксюша.

– Это любимая женщина, – ответил старик и поправил рамочку.

Ксюша встрепенулась, но, собрав в себе силы всех моральных норм, выдохнув, спросила:

– Любовница?

– Нет, почему же? Любимая женщина на всю жизнь. Мы же с ней, с Любушкой, в университете в Ленинграде на втором курсе познакомились, она из пединститута к нам перевелась. Так вот помню: как только зашла она в аудиторию, я сразу понял: моя!

– Разве так бывает? – смутилась гостя.

– Да не знаю, как у вас сейчас, у молодежи, но у меня была точно любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

– Так вы с ней всю жизнь прожили, сколько лет?

– Ни одного года, она погибла на пятом курсе, машина сбила, мы уже строили планы на свадьбу, но вмешался в нашу судьбу случай. И всё рухнуло. Но она жива, вот здесь, – Иван Семёнович показал на середину груди, – и никуда никогда не уходит.

– Что-то я не понимаю, извините, – запнулась краснощёкая Ксюша, – а дочка откуда взялась, а внук?

– Так я женился, правда, поздно – в тридцать три. А что, жить-то надо, я детей хотел, но только дочку Бог дал, у жены проблемы по-женски после родов начались, не смогла больше забеременеть.

– А вторую жену как звали?

– Светлана, но не хочу её вспоминать, пила она крепко, что я только ни делал. Если сидит зло в человеке, ничего не помогает. Эх, растрогался я что-то.

Глаза деда блеснули в свете электрической лампочки. Он глубоко вздохнул и уставился на тарелку с мясом.

– Вы ешьте, остынет же!

– Да, да, спасибо. Ох, намучился я с ней, и Оксанка в неё, видно, пошла, такая же скандальная. Как Света ушла, Оксана сразу предложила разъехаться, я и согласился, у неё уже Лёшка был, а мне что надо? Крыша есть, машина есть, и на том спасибо! Лёшик мне помогает, я ему мотороллер купил, он привозит продукты, правда, «ласточку» мою недавно помял, ну да она и так старая, пусть лучше мою мнёт, чем мамкину.

– Понятно, извините, но меня, наверное, уже потеряли, ешьте на здоровье, это хорошо, что есть родные люди. Ну, я пойду?

– Иди, иди, детка. Спасибо.

Ксюша ушла, и сразу за ней заскочил в комнату Сёма и громко заявил о своём присутствии.

На следующий день с утра «Надежда и Опора» Ивана Семёновича выясняла отношения со своими друзьями.

– Ну что, Чижов, бабки принёс? – спросил рыжий прыщавый парень на голову выше Алексея.

– Жека, ну дай последний раз, я отдам, честно, у деда займу. Он откладывает с пенсии, а с ним я разберусь.

– Не, братан, так не пойдёт, ты мне в прошлый раз тоже обещал, я тебе что, мать Тереза, спасать вечно? Я тебя и так год тяну, если бы не я, ты окочурился бы давно.

– Я понял, завтра деньги будут.

Алексей опустил голову и поплёлся в сторону лесопосадки. Мысли неприятно кололись в голове: «Возьму у деда, чтобы он не знал, а потом заработаю и отдам, сейчас прям и пойду, сегодня среда, он говорил, что в собес в среду надо. Он и не заметит, что он, каждый день в заначку лазает? А до пенсии точно не кинется».

Алексей кивнул сторожу, стоящему на крыльчке, и уверенно пошёл по гаражному кооперативу. Дед всегда ждал внука, поэтому ворота никогда не запирали на замок, а просто плотно прикрывали.

Внук уверенно открыл ворота и прошёл через гараж в жилую комнату. В комнате пахло сыростью и дедом. Он присел на лежанку и несколько секунд просидел неподвижно, он чувствовал себя маленьким мальчиком, попавшим в затруднительное положение, и ждал то ли чуда, то ли знака, но не дождавшись, залез на табуретку и достал с самой верхней полки Достоевского, отсчитал шесть хрустящих купюр по пять тысяч и засунул себе в карман, пересчитал оставшиеся и положил на место. Выключил свет и, крадучись пройдя мимо «копейки», виновато погладил её по двери. Вышел и захлопнул за собой ворота. На улице потемнело от туч, начал накрапывать дождик, Алексей накинул капюшон, засунул руки в карманы, сделал широкий шаг и, сразу споткнувшись обо что-то, упал плашмя.

– Бляха-муха! – выругался парень и оглянулся.

На него укоряюще смотрел Сёма. Минута немого обмена взглядами...

– Ну, что тебе надо? Да, виноват, ты всё равно не поймёшь! Да, я сволочь, гад, вор, ну не могу я жить без этой отравы! Кому я нужен? Мне тоже деда жалко, что он как бож

живёт, но что я могу сделать? Что я могу изменить? Мне плохо, понимаешь!

Неудачный вор расплакался и сел на корточки под воротами. Кот подошёл и сел рядом. Алексей не заметил, как подошёл дед.

– Лёшик, что случилось? Неужели я ворота закрыл? Вот старый пень, извини, давай проходи, чай будем пить, я печенья купил.

– Дед, прости меня, – всхлипнул Алексей, – я вор, я гад, я украл у тебя деньги, мне стыдно, прости, дед.

– Ничего не понимаю, давай заходи, обсудим.

Иван Семёнович открыл гараж, под руку сопроводил внука и усадил на лежанку.

– Вот, дед, заberi, – сказал, заикаясь, Алексей и протянул купюры.

Дед взял деньги и с нежностью посмотрел на родного человека.

– Вот что, – Иван Семёнович почесал подбородок, – мне предложили провести электрику в частном доме, я один не справлюсь, поможешь? Деньги пополам! Согласен?

– Угу. – Внук подтёр нос рукавом.

– Давай снимай куртку, сушить буду, чай попьём. В общем, договорились: я завтра забираю тебя из колледжа.

Через час согревшийся и розовоухий внук пересказывал деду недавно просмотренный боевик.

Выходя из гаража в тёмную действительность, Алексей неожиданно оглянулся и посмотрел деду в глаза.

– Дед, правда не обижаешься на меня, правда поработаем и деньги пополам?

– Правда, правда, осторожно иди домой, завтра в пятнадцать жду тебя у колледжа.

На следующий день Иван Семёнович забрал внука из колледжа, и до вечера они были заняты полезным и увлекательным делом. Неделя пролетела незаметно. Вечером после оплаты работы Иван Семёнович протянул Алексею шесть пятитысячных купюр.

– А если не секрет, зачем тебе тогда понадобились деньги?

Внук покраснел и прикусил губу.

– Ну что? Молчишь?

– Дед, я зависим, у меня долги, но я хочу вылечиться, я хочу порвать, завязать, но не знаю как.

Иван Семёнович напряжённо посмотрел на внука и многозначительно помолчал.

– Давай в клинику тебя положим? А маме скажем, что ты у меня поживёшь месяц.

– Хорошо, я скажу ей. Пока, спасибо тебе.

Дед долго стоял в воротах и смотрел вслед внуку.

Алексей зашёл в кафе «Сладкая жизнь».

– Два эклера и кофе, пожалуйста.

– Чижик! Ты что здесь делаешь? – спросил сверхнеприятный знакомый голос.

Четверть эклера застряла в горле, Алексей повернулся и громко откашлялся.

– А, Жека, я всю неделю работал, у деда жил, только хотел тебе позвонить.

– Ну, и где бабулесь?

– Вот. – Алексей протянул купюры.

– Молодец, дозу возьмёшь?

– А сколько?

– Как обычно, пока не подорожала.

– А давай на тысячу!

– Доедай и за мной, только поменьше трепи языком.

Алексей вернулся домой ближе к полуночи, матери дома не было, на столе в кухне белела записка. Буквы сливались, но, сфокусировав взгляд, он всё же прочёл.

«Лёша, меня не жди, я на массаже, в холодильнике еда, подогрей. Завтра заплати за квартиру, сдачу заberi себе на личные расходы. Мама».

Алексей раскрыл холодильник, безразлично осмотрел продукты и захлопнул. Прошёл в комнату и, не раздеваясь, упал на кровать.

Во сне назойливая продавщица в красном фартуке и пепельном парике яро уговаривала купить лотерейный билет.

– Да не нужен он мне! Пустая трата денег, – упирался Алексей.

От переполняющего возмущения он открыл глаза, в окнах розовел рассвет. Сонный, шатаясь, он пошёл на кухню, попил воды, ещё раз перечитал записку и громко сладко зевнул.

– С вас восемьсот пятьдесят рублей, – сказала кассирша на почте.

Алексей протянул деньги и открыл рот от удивления. Перед ним сидела та же женщина из сна, только без фартука и в рыжем парике.

– Сдача сто пятьдесят рублей, что ещё надо?

– Мне лотерейный билет.

– Какой?

– Самый дорогой.

– Зачем тебе, возьми пять по тридцать, у нас недавно мужчина на них пятьсот рублей выиграл.

– Нет, дайте за сто пятьдесят.

Кассирша пожала плечами, забрала деньги, протянула лотерейный билет. Алексей взял монетку и стал медленно стирать справа налево.

– Ноль, ноль, ноль, ноль, ноль пять. Не понял, это что, пятьсот тысяч?

– Что? – Кассирша подпрыгнула на стуле, и её рыжий парик немного приподнялся, обнажив тонкие седые волоски. – Дай сюда!

Зашушукалась толпа. Алексей схватил билет и выбежал из почты, забыв квитанции на стойке. Он пробежал несколько сот метров с пустой головой, сознание отказывалось принимать неожиданную радость, пока он не споткнулся и не шлёпнулся на мокрый асфальт. Рядом с местом падения оказалась скамейка, и он с мокрыми и грязными штанами присел на неё. Мимо проходили люди, ограждённые зонтиками, и совсем не обращали на него внимания.

«Маме отдать? Так она на свои маникюр да массажи потратит или машину обновит, а меня ни с чем оставит. Вот, выучусь на права, куплю себе тачку, Маше позвоню... А дед?»

По телу пробежали электрические мурашки, только сейчас он понял, что насквозь промок, он глянул на брюки, постучал по ним ладошкой, встал и уверенной походкой пошёл в гаражный кооператив.

Проходя по улочке между гаражами, он почувствовал запах жареной картошки и улыбнулся. Дверь по обычаю была полуоткрыта, он зашёл и наткнулся с лёту на деда, стоящего у плиты.

– О, Лёшик! Чего ты без зонтика ходишь?

Алексей смотрел на деда радостным тёплым взглядом.

– Дед, у меня радость, я выиграл в лотерею, давай продадим твой гараж, машинку и купим малосемейку или комнату. Вот смотри, билет!

Иван Семёнович молча пронёс сковородку в комнату, поставил на табуретку и с треском открыл чекушку и налил полстакана.

– Лёша, я правда рад, но мне ничего не надо, меня всё устраивает, а вот тебе надо лечиться, учиться и жить. Давай, как договаривались, ляжешь в клинику, а там и на пра-

ва выучишься, и машину тебе купим, иномарку.

– Давай, я согласен. Завтра же едем за деньгами.

– Ешь, ешь, всё купим, позвони маме, скажи, что у меня поживёшь.

На следующий день внук и дед вернулись в гараж ближе к вечеру, уставшие и сияющие.

– Ну, вот и получили, – заключил Иван Семенович.

– Дед, дай мне пятьдесят штук, я долг отдам, а завтра сразу в клинику едем.

– Ладно, бери, не задерживайся.

Алексей пропал на три дня. На четвёртый день Иван Семенович позвонил дочери.

– Оксана, привет! Лёха дома?

– Как же он может быть дома, когда он сказал, что у тебя поживёт?

– Я просто спросил, всё хорошо, пока!

В телефоне холодно загудел сигнал. Старик посмотрел на него и ещё раз набрал номер внука. Нет ответа.

«Нет, надо идти его искать!» Иван Семёнович прикрыл ворота и пошёл, цокая палочкой, вдоль гаражей. Выходя из гаражного кооператива, он пожалел, что не взял зонтик. Мелкий холодный дождик забивался в глаза, и старик шёл почти наощупь, видя вокруг всё мутно.

Остановившись недалеко от компании молодёжи, он долго всматривался, пытаясь узнать среди них фигуру внука, но увидел его одноклассника.

– Женя, Женя! – позвал дедушка.

От компании отделился широкоплечий юноша и подошёл к старику.

– Здравствуйте, дед Ваня!

– Женечка, ты Алёшку не видел, три дня уже дома не ночевал.

– Да вы не беспокойтесь, у него бывает! Вы же знаете, придёт!

– Ага, да, да, конечно, увидишь – скажи, что я его жду.

– Хорошо, не волнуйтесь.

Старик согнулся под тяжестью страшных мыслей и поцокал прочь от компании.

– Алло, Лёха, тебя дед ищет, – сказал, улыбаясь, одноклассник, – да вниз пошёл к ларькам, да точно!

Палочка постоянно соскальзывала по асфальту, и дед еле удерживал равновесие. Спустившись к ларькам, он неожиданно остановился и прижал крепко ладонь к груди.

«Что-то сердечко расшалилось, беду чует, вернись домой, может, Лёшик вернулся?»

Подходя к гаражному кооперативу, он заметил чёрный столб дыма. Снова больно кольнуло сердце.

– А вот и хозяин, – сказал директор кооператива с жирным блином вместо лица.

– Что, что случилось? – белыми губами еле выговорил пенсионер.

– Плиту забыли выключить, или электрика прохудилась, – констатировал пожарный, сматывающий рукав, – опасно вы хранили канистры с бензином, вспыхнуло всё мгновенно, ничего не смогли спасти. Котик только пострадал, вон сидит! – Пожарный кивнул в сторону соседнего гаража. – Ваш?

– Мой, – тихо сказал дед и с вытянутыми руками побрёл к коту. – Сёма, Сёмочка, как же так! Что случилось? Бедный ты мой!

– Да, у деда точно кукушка съехала! – заключил директор.

Старик присел на самодельную скамейку, взял на руки и стал гладить чахлого кота скрюченными пальцами.

– Семёнович, – директор подёргал погорельца за плечо, – Семёныч, у тебя же дочка есть, иди к ней!

– Да, да, сейчас посижу чуть-чуть и пойду.

Пожарные уехали, зеваки разошлись, директор кооператива многозначительно посмотрел на старика, пожал плечами и пошёл в свою сторожку, долго ещё мелькала его лысая макушка вдалеке. Иван Семёнович прилёг на скамейку.

Утром пошёл первый снег, очень редкое явление для крымского ноября, он сначала припорошил асфальт, робко покрыл обгоревшие останки мебели, валявшиеся около чёрных ворот, осторожно коснулся лба, сел на нос и покрыл всё лицо Ивана Семёновича. Снег не таял.